

Михаил Качан

*Вокруг
политехнического*

Потомку о моей жизни

Михаил Качан

**Вокруг политехнического.
Потомку о моей жизни**

«Издательские решения»

Качан М. С.

Вокруг политехнического. Потомку о моей жизни /
М. С. Качан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748497-2

Жизнь этого юноши кажется фантастической. В трудные 50-е он всё преодолевал. Стал именованным стипендиатом, вторым секретарём комитета ВЛКСМ института. Встретил судьбу... И всё рухнуло. Расставание с любимой, исключение из комсомола, предательство друга. А затем невероятная история любви... Впрочем, краткий пересказ невозможен, — нужно прочесть.

ISBN 978-5-44-748497-2

© Качан М. С.
© Издательские решения

Содержание

Введение	8
Учиться или веселиться	8
Глава 1. иллюзии и миражи	10
На физмех и только на физмех!	11
Трамвай в политехнический	19
Сентябрь – начало занятий на первом курсе	21
Моя 145-я группа	22
Пирожки с ливером и расписание	23
Математика – это красиво	24
Физику и химию не помню	25
Металловедение	26
Мастерские	27
Кого только не избирали	28
Культурная жизнь	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Вокруг политехнического Потомку о моей жизни

Михаил Качан

На издание книг серии «Потомку о моей жизни» меня сподвигли Клара и Владимир Штерны, которые выполнили первую вёрстку книг серии и отпечатали в типографии по несколько экземпляров, что было для меня приятной неожиданностью. Моя сердечная благодарность им.

Особая благодарность моей жене и другу, Любови Николаевне Качан. У нас с ней памяти разного сорта: у меня рациональная, у неё эмоциональная. Поэтому она помнит не события, а свою реакцию на них. Но это помогло мне восстановить и многие события.

© Михаил Качан, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящаю серию книг «Потомку о моей жизни» моей любимой жене и большому другу Любови Николаевне Качан (в книгах – Любочка), с которой мы вместе живём уже почти 60 лет в атмосфере любви и взаимоуважения. Она постоянно подпитывает меня эмоциональной, интеллектуальной и духовной пищей.

Мои студенческие годы прошли в Ленинградском политехническом институте.

Санкт-Петербургский Политехнический университет имени императора Петра Великого. Снимок сделан в 1902 году и взят из Википедии. Именно здесь происходит большинство событий, описанных в книге. Основанный в 1899 году, он до октябрьского переворота носил имя Императора Петра Великого, а после, и в то время, когда я в нём учился, вместо императора Петра, он был Политехническим институтом и носил имя большевистского всесоюзного старосты М. И. Калинина.

Этот человек рассказывает тебе, читатель о своих отроческих годах в трудное послевоенное время и ранней юности. На этой фотографии автор – Михаил Качан.

Книга «ВОКРУГ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО» посвящается дяде Мише – Михаилу Иосифовичу Гинзбургу (1900—1960), старшему брату моей мамы. У него была трудная жизнь. В 18 он сражался в Первой конной армии с белополяками. Дважды был в плену и дважды бежал. Был осуждён как польский шпион и попал в лагерь на Колыму, где за строптивость был брошен в барак к уголовникам. После пересмотра приговора и полной реабилитации строил Комсомольск-на-Амуре. Воевал. Жил работал в Москве. Его дочь, Наташу мы разыскали в Америке в 90-х.

Он был для меня примером в жизни. Сильный духом, бесконечно добрый, он бросался помочь, и делал это всегда, удивительным образом, вовремя. В других условиях он стал бы великим человеком. Всегда буду помнить его рассказы о своей жизни. Его безмерное обаяние. Мужественное лицо с сабельным шрамом. Добрые лучистые глаза под мохнатыми бровями. Негромкий бархатный завораживающий голос. Хочу, чтобы осталась память о нём.

Введение

*Я сижу у окна. Вспоминаю юность.
Улыбнусь порою, порой отплюнусь.*

Иосиф Бродский

*Тот, кто с юности верует в собственный ум,
Стал в погоне за истиной сух и угрюм.
Притязавший с детства на знание жизни,
Виноградом не став, превратился в изюм.*

Омар Хайям,

Перевод Г. Плисецкого

Учиться или веселиться

*Да здравствует университет,
Да здравствуют профессора!*

Из Гаудеамуса

Грызьте молодыми зубами гранит науки.

Л. Д. Троцкий

Учиться, учиться и ещё раз учиться!

В. И. Ленин

Эпиграфы, которые я здесь поместил отражали мои чувства и стремления в тот далёкий 1952 год, когда я поступал на физико-механический факультет Политехнического института.

Да, – я заранее боготворил всех моих будущих учителей и да, я собирался грызть молодыми зубами гранит науки.

Кстати, «грызть гранит науки» – было расхожим выражением, которое мне было тогда известно, а вот, что сказал эту фразу (с «молодыми зубами») Лев Троцкий, на IV съезде российского комсомола мне известно не было.

Один из главных вождей Октябрьской революции и руководителей советской России в период гражданской войны и до смерти Ленина, Лев Давидович Троцкий был объявлен врагом народа. Его последователи были названы Сталиным троцкистами и либо расстреляны, либо отправлены в лагеря, где впоследствии тоже были поголовно уничтожены. Имя Троцкого тогда можно было произносить только шёпотом.

В моё время цитата Троцкого не употреблялась, – на слуху была только цитата Ленина. Итак, «учиться, учиться и ещё раз учиться!»

Впрочем, студенческий гимн Гаудеамус предлагает и другой вариант времяпрепровождения студентов:

Итак, будем веселиться,
пока мы молоды.

И даже указывает студентам юношам на объект веселья:

Да здравствуют все девушки,

изящные и красивые!

Да и другие студенческие песни указывали на весёлую, бесшабашную студенческую жизнь. Вот хотя бы эта:

От сессии до сессии живут студенты весело
А сессия всего два раза в год

Или

А я различий не терплю,
Вино и девушек люблю.

Признаться, поступая в Политехнический, я не знал ни одной студенческой песни, не был знаком мне и Гаудеамус. Впрочем, не прошло и пары месяцев, а я их уже распевал.

Сразу замечу, что я сразу понял, что тот студент, который буквально будет следовать совету «веселиться», долго студентом не пробудет. Об этом свидетельствовала ещё одна студенческая песня:

К ногам привязали ему интеграл,
Эпюрами труп обернули,
Прощальную речь замдекана сказал,
И с первого курса спихнули.

Так что советам «веселиться» я следовал лишь изредка, – предпочитал «грызть гранит науки». Но оказалось, что были ещё и другие средства отвлечения от учёбы.

Одно из них – комсомольская работа. И я не миновал этой напасти. Правда, судьба жалилась надо мной и выкинула из этой сферы обратно в простые студенты.

Другое – сначала вспыхнувшая любовь, а затем семейная жизнь с её ответственностью и обязанностями. И это я испытал, – и, слава богу, мы с моей женой Любочкой испытание выдержали, хотя это была дорога длиной 2.5 года. А в последний год нас уже было трое – и с рождением дочки трудности возросли многократно.

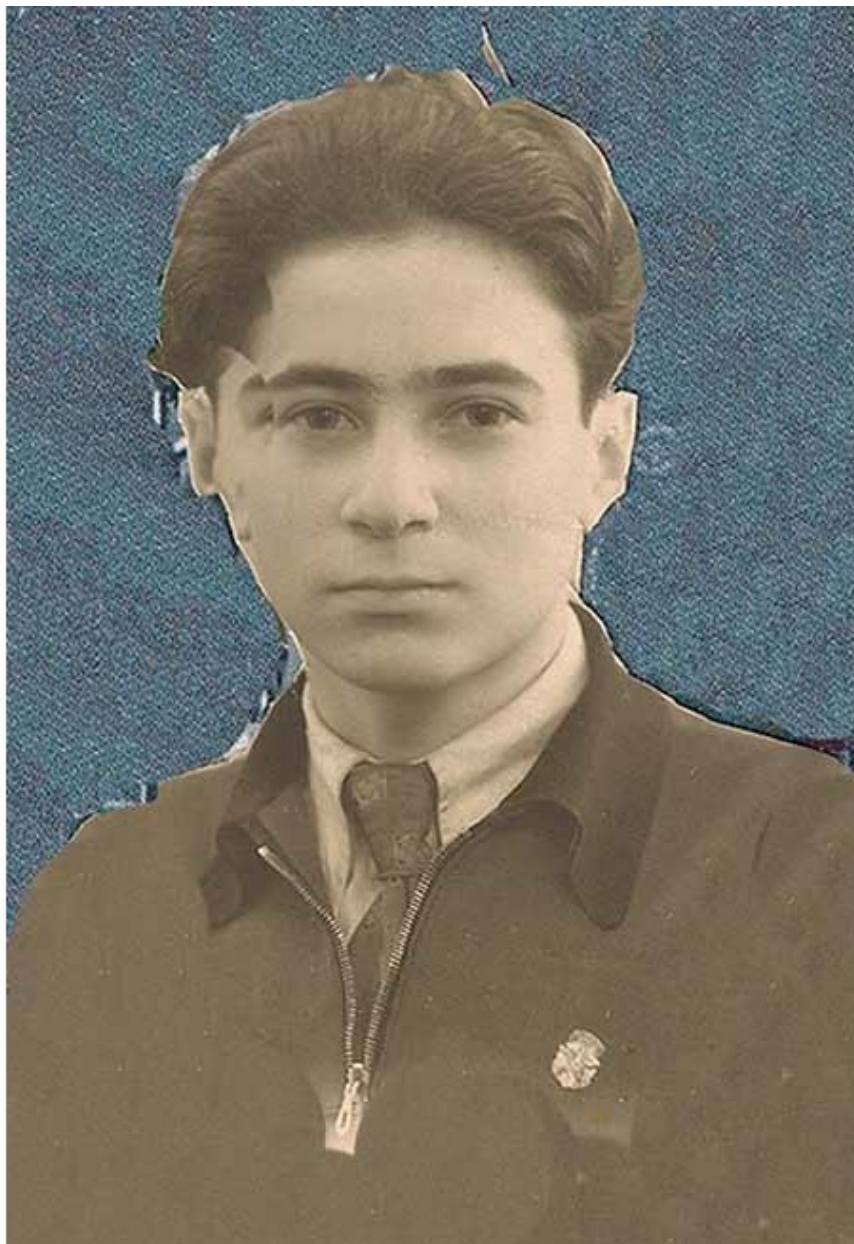
Но не буду пересказывать, даже кратко, содержание этой книги. Скажу только одно: Книги ВОКРУГ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО, а затем и ЛЮБА-ЛЮБОВЬ – прямое продолжение ШКОЛЫ НА КИРОЧНОЙ, и все события, описанные в этих двух книгах, происходили в промежуток времени, когда я учился в Ленинградском Политехническом институте.

Коротким этот период времени не назовёшь, – он охватывает годы с 1952 по 1959. Когда я поступал в политехнический институт, мне было 17, а когда окончил его – 24. Я проучился лишний год, когда переходил с механико-машиностроительного факультета на физико-механический. Мне пришлось с 4 курса вернуться на третий, да ещё сдать 12 экзаменов, – столь существенной была разница в программах.

Представляю же я читателю эту книгу в возрасте 80 лет.

Книга перед тобой. Читай потомок.

Глава 1. иллюзии и миражи

На этом фото мне 18 лет
Оно когда-то было вырезано и помещено в альбом, оттуда я его и взял.

Иллюзии и миражи...
И как без них нам жить? Скажи!
Нам краски от мечты! Палитра...
Возможность воспарить открыта.

Татьяна Муштакова¹

¹ Четверостишие взято с её сайта [битая ссылка] <http://www.stihi.ru/2013/04/27/2052>

На физмех и только на физмех!

*Шёл в комнату, попал в другую.
Смысл противоположный А. С. Грибоедову*

За мной зашел мой школьный друг Миша Лесохин, и мы поехали на трамвае №32 в Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина.

– Не забыл документы на золотую медаль, – спросил он меня.

– Нет, конечно, – я улыбнулся. Медаль давала право на поступление в Институт без экзаменов и даже без собеседования.

– А Игорь подъедет? – спросил я.

– Он просил его не ждать. Он еще не знает, когда поедет.

Игорь Лопатин, как и Миша Лесохин, получил серебряную медаль (им в РОНО не утвердили отличные оценки, поставленные школой, и они получили четверки по сочинению), и тоже хотел поступать на физико-механический факультет.

Мы все трое хотели работать впоследствии над проблемами ядерной энергии, «энергии будущего» (а вдруг именно нам посчастливится создать термояд?), а такая специальность в политехническом институте анонсировалась.

Михаил Иванович Калинин, чье имя было присвоено институту, был Председателем Президиума Верховного Совета Союза ССР, должность равнозначная президенту. Но в Советском союзе Калинин не играл какой-либо значительной роли в управлении государством. Его почему-то называли Всесоюзным старостой и говорили, что он запросто общается с простым народом.

Почему его именем назвали знаменитый, с традициями институт, я не знаю. Наверное, «трудящиеся попросили». Тогда многое делалось якобы «по просьбе трудящихся». Вообще его имя на карту попадало часто. Областной центр Тверь, например, переименовали в г. Калинин. Впрочем, этот древний город уже снова Тверь.

Присоединенный к России после второй мировой войны старинный прусский город Кенигсберг до сих пор именуют Калининградом. Был Калининград и под Москвой. Он вначале назывался Подлипки, а теперь Королев.

– Остановка «Политехнический институт»; конечная, – сказал кондуктор, и мы вышли из трамвая.

Главный корпус Института был построен еще до революции 1917 года. Институт строился в парке «Сосновка», там же впоследствии были построены другие его корпуса и дома для профессорско-преподавательского состава. Довольно много деревьев сохранилось, и главный корпус утопал в зелени. Именно там и находилась Приемная комиссия.

Поднявшись на второй этаж по широкой парадной лестнице, мы увидели надпись: «Актный зал» и рядом другую: «Приемная комиссия». Актный зал был разгорожен какими-то временными перегородками для сотрудников, но все студенты попадали в одно большое помещение, где для них были поставлены столы и стулья, – там они заполняли документы на поступление. Заполнив их, каждый подходил к сотрудникам, принимавшим документы, сдавал, те проверяли и давали ему расписку в приеме документов.

Мы подошли к сотруднику и спросили: «Какие документы нужно заполнять медалистам?»

– А вы что – медалисты? – спросил он. – Что-то рановато для медалей, их еще не выдают. По крайней мере, к нам еще никто не приходил. Мы протянули свои аттестаты зрелости и документы о получении медалей.

Он взял наши документы, поднялся, обернулся к сотрудникам и громко сказал:

– Смотрите, первые медалисты пришли.

Все сотрудники, бросив дела, подошли к нам и начали рассматривать документы. Мы, абитуриенты, как называли поступающих, гордые и счастливые, стояли рядом и в мыслях уже были студентами и изучали ядерную физику.

Получив расписку в приеме документов, мы ушли и стали ждать извещения о приеме в Институт. Нам сказали, что недели через две мы такие извещения должны получить.

Время шло. Прошли две недели, – никаких извещений не было. Мы, трое медалистов, созванивались между собой. И вот, однажды, позвонив Игорю Лопатину, Миша Лесохин узнал, что тому извещение о зачислении на физмех уже пришло.

Миша сразу поехал в Политехнический Институт, рассчитывая тоже получить извещение о зачислении, но ему было «отказано в приеме из-за отсутствия вакантных мест». Он сразу забрал документы и поехал в Педагогический Институт им. А. И. Герцена. Сдав в приемную комиссию документы, он через несколько дней был зачислен студентом, – почему-то туда документы сдавали одни девочки, мальчики были на вес золота.

Моя эпопея была не столь проста. Узнав от Миши эту историю, я поехал в приемную комиссию на следующий же день, уже понимая, что меня, как и Мишу, не приняли на физико-механический факультет, но, в отличие от Миши, я хотел учиться в Политехническом, и только в Политехническом, пусть даже на другом факультете. И я решил побороться, поскольку чувствовал свою правоту и не мог не отреагировать на несправедливость.

Мне тоже вернули документы, не предложив мне ни один другой факультет и сформулировав отказ теми же словами, что и Лесохину. Логика в этом ответе, конечно, не было. Правила приема не предусматривали тогда для медалистов ни дополнительных экзаменов, ни собеседований, следовательно, оставался один критерий – время сдачи абитуриентом документов в приемную комиссию, т.е. простая очередность подачи документов.

Именно это я и сказал сотруднику, к которому я попал и которому выпало отказать мне в приеме. Он смутился и пошел советоваться с более опытным сотрудником. Тот откомендовался мне как член приемной комиссии и повторил формулировку отказа. Я повторил свои аргументы.

– Но я не могу Вам сказать ничего другого, потому что в Решении Приемной комиссии ничего иного нет. Не могу же я домысливать и говорить Вам то, чего нет в Решении.

– А чего нет в Решении? – спросил я.

На этот раз смутился член приемной комиссии.

– Да там и не должно быть ничего другого, – сказал он, – секретарь Приемной комиссии готовит Решение и зачитывает фамилии абитуриентов, и формулировку решения. Члены приемной комиссии задают вопросы, если они у них есть, а потом голосуют. По Вашей кандидатуре вопросов не было, и голосовали единогласно. Медалистов много, число мест, выделенных под них, ограничено. Кому-то надо отказывать. Вот Вам и отказали.

– Значит Вы не руководствовались таким критерием как время подачи документов? – спросил я.

– Нет, мы даже не думали об этом. Готовить материалы – прерогатива Секретаря.

– А какая медаль имеет приоритет: золотая или серебряная?

– Конечно, золотая, – не подумав, брякнул он.

– А я знаю абитуриента, которого уже приняли с серебряной медалью. Мне же с золотой отказали.

Это был разговор в одни ворота. Я знал, почему мне отказали. Он тоже знал, почему. Но у него не было аргументов, которыми он мог бы оперировать. Он мог только, как попка, повторять то, что записано в Решении Приемной комиссии.

Мне было стыдно и обидно одновременно. Я впервые столкнулся с государственным антисемитизмом. Хотя внешне все выглядело благопристойно. Ведь никто не сказал мне:

– Мы не принимаем тебя, потому что ты еврей, а, значит, неблагонадежный.

Нет, выдумали форму отказа: «В связи с отсутствием вакантных мест». Уж лучше бы была процентная норма, как в дореволюционное время. Это, по крайней мере, честнее.

Моя мечта рушилась. Я не имел права проситься на прием к Ректору Института. По правилам жаловаться на Решение приемной комиссии Института следовало в Центральную Приемную комиссию, которая находилась в Москве.

Я взял документы и приехал домой. Вечером состоялся семейный совет.

– Далась тебе твоя ядерная физика, – сказала мама, – как я тебя уговаривала стать врачом или на худой конец биологом!

– Поступай в Холодильный институт, который я закончил, – сказал папа. – Туда тебя примут без вопросов. Потом поезжай в Москву. Хотя, я думаю, у тебя вряд ли что-нибудь получится.

А дедушка только кряхтел и покашливал, но ничего не говорил. Я видел, как он переживает за меня.

В Институт Холодильной промышленности меня действительно приняли без вопросов. Но я на этом не поставил точку.

В Москве я остановился у дяди Миши, маминого брата. Он жил в малюсенькой комнате метров 8—10 не больше в Столешниковом переулке. Я думаю, снимал. В этой комнате спали он с женой Верой, их маленькая дочка Наташа, которой тогда было года два. Там же заночевал и я.

Дядя Миша слева; рядом с ним его дочка Наташа, а справа мой дедушка, его отец (лето 1953 г.).

Они меня встретили очень тепло и сердечно. Я им рассказал мою историю с поступлением.

– Не добьешься ты ничего, – сказал дядя Миша. – Тут только по-другому можно что-либо сделать. Я попробую. А ты пока походи по инстанциям, поговори с ними. Тебе надо опыта набираться.

И я пошел набираться опыта. Сначала я поехал на Трубную площадь в Центральную приемную Комиссию, которая располагалась в угловом доме на первом этаже. Длинная очередь несчастливых абитуриентов начиналась, снаружи на улице, но продвигалась довольно быстро. Когда я попал внутрь помещения, я увидел, что принимает за барьером со стеклом всего один человек. Были написаны его фамилия, имя и отчество. Я запомнил его фамилию на всю жизнь – Сухоруков.

– Изложите кратко Вашу претензию. – сказал он. Я изложил.

– У Вас есть письменное заявление? – спросил он. У меня было.

– Оставьте его. Мы Вам ответим». – сказал он. – Следующий.

Я вышел из помещения. На душе было погано, как будто я поговорил с бездушной машиной.

– Зачем я поехал в Москву? – крутилось в голове.

– А ты ожидал, что они будут разбираться? – сказал дядя Миша. – У них десятки тысяч недовольных. Разбираться будут с единицами, за кем стоят крупные фигуры, которые могут повлиять. Остальных ждет отказ по формальным соображениям. Сходи еще в Министерство Высшего образования. Убедись.

Министерство размещалось на улице Жданова д.11. Небольшой красивый особняк. Маленький дворик перед входом в него, где стояло 5—6 автомобилей. Вход был свободный, и я с независимым видом прошел мимо вахтера. Изучив структуру по указателю, висевшему в коридоре первого этажа, я понял, что, прежде всего я должен обратиться в Главное Управление политехнических ВУЗов.

Я зашел в приемную, где, кроме секретаря, не было ни одного человека, и спросил, могу ли я поговорить с начальником Главного Управления. Секретарь, которая до этого ровным счетом ничего не делала, говорила со мной кокетливо и с большим удовольствием.

– Сейчас я спрошу (она произнесла имя-отчество Прокошкина, который был Начальником управления). Он Вас примет.

И, действительно, она вышла от начальника и сказала: «Заходите».

Начальник, очевидно, тоже откровенно скучал, потому что он подробно расспрашивал меня, как было дело, но, правда, не высказал своего мнения, сказав напоследок:

– Давайте заявление. Мы разберемся.

Удовлетворенный вниманием, я вышел от Начальника, сел на диванчик, стоящий в коридоре, и стал думать, что же я еще могу сделать.

– Разве что к Министру? – подумал я.

Кабинет Министра Высшего образования профессора Столетова тоже был доступен. Приемная была намного больше, в ней сидели две секретарши и тоже откровенно скучали.

– Что Вы хотели? – спросила меня одна из них. Я объяснил.

– Министр по таким делам не принимает, – сказала она, – обращайтесь в Центральную приемную комиссию. Для этого она и создана. Вы представляете, что бы здесь было, если бы все жалобщики пришли сюда. Нет, нет, не просите. Это невозможно.

Грустный, я вышел во дворик и присел на какой-то каменный поребрик, глядя, как люди входят и выходят из Министерства, как выезжают из дворика и вновь приезжают немногочисленные автомобили. Ко мне подошел, какой-то парень чуть постарше меня, и мы разговорились.

– А ты попробуй поймать Министра, когда он приезжает утром на работу. Вдруг он захочет тебя выслушать. – предложил он.

На следующее утро я приехал к 9 часам и начал караулить Министра. Я уже видел его автомобиль накануне, и знал, где он остановится и высадит Министра. Я продумал, где я должен в этот момент находиться, как оказаться около него, что и как успеть сказать.

Дальше я все себе представлял так.

Я, такой симпатичный юноша, с такой доброй улыбкой, говорю Министру, что я постараюсь изложить мой очень простой вопрос за одну минуту. Начинаю говорить самое важное:

– Я золотой медалист. Меня не приняли из-за отсутствия вакантных мест. Я не понимаю, как это может быть, здесь какая-то ошибка. Ведь медали вводили именно для того, чтобы отобрать лучших.

Затем повторяю ему мои два аргумента.

Министр говорит мне:

– Ну у нас за минуточку не получится. Пойдемте ко мне наверх.

Там он кое-что уточняет. Возмущается такими порядками, говорит секретарше, чтобы она приняла от меня заявление и, прощаясь за руку, говорит мне напоследок:

– Езжайте спокойно в Ленинград. Вас примут.

И я все это очень четко сделал, когда Министр приехал. И оказался рядом с ним. И очень непринуждённо, и доверительно начал разговор, поглядев ему прямо в глаза и улыбнувшись. Только я не смог сказать больше десяти слов. Он оборвал меня и со словами:

– Простите, мне некогда. Повернулся спиной и быстро вошел в здание, а меня, какой-то мужчина на входе не пустил за ним, встав передо мной и строго сказав:

– Нельзя.

Я все же потом прошел в Министерство и в приемной Министра оставил свое заявление.

Вечером дядя Миша озабоченно сказал мне:

– Я нашел путь. Тебя примут в Политехнический.

– На физмех? – вскричал я.

– Не знаю, на какой, – ответил дядя Миша, но возьмут.

Он был очень серьезен.

– Большие деньги, – сказал он. – но пока не отдадим их, письма не будет.

Про письмо я понял, а вот про деньги – не сразу. Оказалось, что нужно в обмен на письмо о приеме в Институт отдать три тысячи рублей. Это тогда были очень большие деньги.

На следующий день, дядя Миша ходил два или три раза на Центральный телеграф, благо он был рядом, звонил маме и еще куда-то, а вечером сказал мне:

– Деньги достал, завтра пойдем вместе, отдадим деньги и заберем письмо.

Часов в 12 дня мы с дядей Мишей пошли по ул. Горького, повернули на Тверской бульвар и встретили там невысокого неприметного человека.

– Ж. – представился он. Он назвал свои фамилию, имя и отчество полностью, фамилию я хорошо помню и сейчас, но приводить ее пока не хочу, а имя и отчество долго помнил, но сейчас уже забыл. А вот его лицо, хоть он был и неприметен, я запомнил на всю жизнь.

Мы пошли, гуляя, по Тверскому бульвару, и так прошли метров двести, а потом повернули обратно. Дядя Миша и Ж. о чем-то тихо разговаривали. Я деликатно шел рядом, но обрывки разговора слышал, у меня был тогда очень острый слух, не то, что сейчас.

Я понял, что дядя Миша требовал доказательств того, что меня действительно примут в Институт. Вдруг я приеду в институт с письмом, а там знать ничего не знают?

– Убедили, давайте письмо.

– Давайте деньги, – сказал Ж.

Они быстро обменялись конвертами.

Ж. не стал проверять, правильная ли сумма в его конверте, а наш конверт оказался запечатанным. Ж. начал меня инструктировать. Он сказал, к кому в кабинет мне лично пойти в Политехническом Институте и, оставшись в кабинете наедине, какие слова сказать. И только после этого отдать конверт. Потом я должен был сделать то, что этот человек скажет. Он назвал мне фамилию, имя и отчество этого человека и его должность. Фамилию, имя и отчество я хорошо помню, но приведу позднее – он работал в Политехническом институте заместителем директора по административно-хозяйственным вопросам. Впрочем, имя, отчество и фамилия были открыто написаны на конверте.

Самое интересное, что я тогда не понимал, что это взятка, а само это явление именуется коррупцией в системе высшего образования. Хотя я и догадывался, что происходит что-то постыдное, незаконное.

– Но ведь я имею право. Со мной поступили тоже постыдно и незаконно, – я пытался оправдать себя, маму, дядю Мишу. И мне было неудобно, что мои родители и обожаемый мной легендарный герой моего детства дядя Миша пошли на это ради меня.

– Помалкивай об этом, – сказал мне дядя Миша. Никто и никогда не должен об этом узнать.

Я никогда и никому об этом не говорил. Я придумал историю про Министра, ту самую, которую описал выше. В этой истории, и Министр стал человечней, и я более везучим, но все было правдой только до того места, когда я начал разговор с Министром. Разговор был оборван им. А мог ли он вообще быть продолжен?

Сегодня я впервые рассказал, как все это было, Любочке.

– Почему же ты мне никогда это не рассказывал, – спросила она.

– Я дал слово никогда и никому не говорить об этом. Но сегодня, только сегодня я решил, что могу рассказать и даже написать, как все было. Сегодня это уже никому не повредит. А мою репутацию в глазах моих потомков не испортит. В глазах тех, кто меня знал, надеюсь тоже. Но если это как-то меня умалит, – это уже не мое, а их дело. Не я придумал антисемитские правила приема в вузы страны. И не я вымогал взятку у нашей нищей семьи. Я пишу правду, мою правду.

Я приехал с конвертом домой, в Ленинград. Мама и папа с интересом оглядели его. Папа хмыкнул и ничего не сказал. Он ненавидел такие вещи. Сам никогда не давал взяток и никогда не принимал ни взяток, ни подношений. Я понял, что, давая согласие дяде Мише, мама поставила папу перед фактом. В случае чего, она брала все на себя.

А у меня была эйфория. Мне было все равно как поступать, лишь бы поступить.

– Я заслужил право на поступление туда, куда хочу. Мы боролись с несправедливостью. Мы ее победили, и неважно как.

Я ни секунды не сомневался, что все будет хорошо, и на следующий день начал с того, что поехал в Холодильный институт и забрал свои документы. Это было рискованно, но я тогда даже не думал об этом. С документами я сразу поехал в Политехнический институт. Я долго сидел в тесной приемной заместителя директора по административно-хозяйственной части, ожидая, пока он меня позвонит. Он знал, что я жду, ему говорила секретарша, но в его кабинет постоянно входили и выходили люди.

Наконец, поток людей иссяк, секретарша тоже ушла домой. Он выглянул из-за двери кабинета, посмотрел на меня очень внимательно:

– Заходи.

Я зашел. Сказал слово.

Давай конверт, – сказал он.

Я отдал конверт. Он его вскрыл при мне, вынул оттуда какую-то официальную бумагу и внимательно прочитал ее.

– Завтра придешь в приемную комиссию и отдашь документы. Они будут знать, что тебе можно сдать документы.

Было то ли 30 августа, то ли даже 31, и документы уже не принимали целый месяц. Я не задавал вопросов. В голове у меня сидела мысль:

– Заместитель директора Института! Как же это можно? Целая шайка! Наверняка, я не один такой, кто платит им деньги. Но и я тоже!

Но я опять себя успокоил:

– Я только восстанавливаю справедливость.

А, может быть, и они восстанавливали справедливость. Ограбить евреев всегда считали за доблесть. Только вот никакого богатства или денег у нас не было, – мы были нищими.

В Приемной комиссии института, которая уже перебазировалась из Актового зала в какую-то маленькую комнату, был всего один сотрудник. Он с интересом посмотрел на меня, и, ничего не спросив, принял документы.

– Извещение пришлем по почте, – сказал он.

– Так занятия уже начинаются, – напомнил я.

– Ничего страшного, – ответил он. – Когда получите Извещение о приёме, тогда придете. Это недолго.

Только через пару недель я получил извещение, что с 1 сентября я зачислен на первый курс механико-машиностроительного факультета Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина. Я, конечно, погоревал, что не на физико-механический, но я и этому был уже рад. Я понял, что физмех мне не светит ни в каком варианте.

За несколько дней до получения Извещения, к нам домой пришли один за другим три письма.

Первое было из Центральной приемной комиссии, это был ответ на мою жалобу:

– Мы проверили обстоятельства Вашего приема в Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина и извещаем Вас, что Вы не были приняты в Институт за отсутствием вакантных мест.

Вторым пришло письмо из Главного Управления политехнических ВУЗов, – оно было подписано Прокошкиным:

– Мы проверили обстоятельства Вашего приема в Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина и извещаем Вас, что Вы не были приняты в Институт за отсутствием вакантных мест.

Наконец, за подписью Министра Столетова письмо сообщало:

– Мы проверили обстоятельства Вашего приема в Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина и извещаем Вас, что Вы не были приняты в Институт за отсутствием вакантных мест.

Как видите, все три письма говорят одно и то же слово в слово.

А в конце сентября, когда я уже ходил на занятия, нам домой пришли один за другим еще три письма.

Центральная приемная комиссия сообщала:

– Мы проверили обстоятельства Вашего приема в Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина и извещаем Вас, что Вы приняты в Институт на механико-машиностроительный факультет.

Следом пришло письмо из Главного Управления политехнических ВУЗов:

– Мы проверили обстоятельства Вашего приема в Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина и извещаем Вас, что Вы приняты в Институт на механико-машиностроительный факультет.

Наконец, за подписью Министра Столетова письмо сообщало:

– Мы проверили обстоятельства Вашего приема в Ленинградский политехнический институт им М. И. Калинина и извещаем Вас, что Вы приняты в Институт на механико-машиностроительный факультет.

Во, как!

Трамвай в политехнический

На самом деле студентов первого курса на уборку картофеля не отправили, и я попал на занятия, когда заканчивалась вторая неделя.

Теперь каждый день, шесть раз в неделю я утром шел из дома к остановке трамвая №32 и, когда подходил трамвай, штурмом с толпой других желающих захватывал место для одной ноги на ступеньке вагона, а для одной руки – свободное место поручня. Другую ногу поставить было некуда, а во второй руке был портфель с книгами и тетрадками. Так и висел, пока трамвай шел к следующей остановке.

На каждой остановке приходилось отцепляться, потому что кто-нибудь выходил.

Двери тогда в трамваях не закрывались автоматически, люди выходили в любую дверь – какая ближе, так как приходилось с силой протискиваться между телами стоящих пассажиров. После того, как кто-нибудь выходил и внутри по идее должно было стать чуть свободнее, человек с подножки старался втиснуться поглубже в открытую дверь внутрь трамвая.

Это, кроме меня, пытался сделать каждый из деливших со мной место на подножке. Когда я ставил на нее вторую ногу и подтягивал портфель к животу, я уже считал себя счастливым. Дальше я уже забирался на следующую ступеньку – пол тамбура, при этом мое туловище вначале сильно отклонялось назад на улицу, но это было не страшно, потому что подпирали другие, отчаянно вцепившиеся в поручни. Еще усилие, и, наконец, я в тамбуре вагона. Там я обычно и оставался, стараясь достичь стенки трамвая и повернуться к ней лицом. Борьба за место продолжалась почти все 35—40 минут, что мы ехали до института. Только очутившись в тамбуре, я внимал призывам кондуктора заплатить за билет.

Иногда в этой толкучке вдруг оказывался контролер, притаившийся до времени и неожиданно заявлявший о своем существовании.

Он грозно предупреждал, что с каждого неплательщика взыщет штраф и действительно взыскивал. Часто контролер выволакивал из трамвая какого-нибудь бедолагу, не желавшего платить штраф или не имевшего на него денег, и начинал свистеть, в пронзительный свисток, призывая на помощь милиционера. Видимо, вдвоем они действительно взыскивали штраф на месте или доставляли несчастного нарушителя в отделение милиции. Слава богу, со мной такого не случилось ни разу за все семь лет моей учебы в институте.

Трамваи шли медленно. На поручнях дверей каждого вагона гроздьями висели люди, но на это никто не обращал внимания – привыкли. Эти люди, конечно не платили. Руки были заняты. Да никто и не требовал с них оплаты.

Иногда вагоновожатый видел в зеркало, что кто-то не зацепился за поручень или не сумел поставить ногу. Понимая, что этот неудачник рискует жизнью, вагоновожатый выходил и отрывал его от поручня или вытаскивал его застрявшую ногу с подножки, спасая ему жизнь, но оставляя без надежды уехать.

Хуже всего было на Литейном мосту. Если ты еще висел на поручне, держа на весу в другой руке тяжелый портфель, ты сильно рисковал жизнью. В теплую погоду еще ничего, но в холодную...

Это был смертельный номер! Перегон был длинный, с Невы дул холодный ветер, а то еще и со снегом, да при сильном морозе. Рука замерзала, ее сводило судорогой, лицо жгло ветром с льдинистым снегом. И в мыслях было: «Только бы не отпустить поручень...». А временами уже не было сил держаться за него, и только невероятным усилием воли заставляешь пальцы не разжиматься. Так было со мной несколько раз.

После первого раза я дал себе слово, что на Литейном мосту больше никогда не буду висеть на подножке, но слова сдержать не удалось. Наверное, такое было не со мной одним.

Правда, я не видел, чтобы кто-нибудь отцеплялся на перегонах и падал. Но слышал, что такое бывало.

Иногда зацепиться на остановке на улице Некрасова не удавалось. Оценив толпу страждущих, я цеплялся за любой трамвай на две остановки. Доезжал до Литейного, а там, кроме 32-го, была еще девятка. Шансов зацепиться становилось в два раза больше.

Вечером ехать домой было проще: у Политехнического трамваи стояли полупустыми. Там было трамвайное кольцо, и можно было спокойно сесть на скамейку в трамвайном вагоне, открыть книжку и использовать время для чтения.

Сентябрь – начало занятий на первом курсе

Я вошел в аудиторию, как в храм с благоговением. Если бы там была тихая торжественная музыка, я бы не удивился. Но музыки не было. Светлое, высотой этажа в два-три помещения. Аудитория была большая – человек на двести. Ряды поднимались амфитеатром. Места уже заполнялись студентами. Я поднялся на одну только ступеньку и сел на первый ряд. Зрение у меня было острое, слух отличный, и не это было причиной того, что я занял первый ряд. Мне хотелось сидеть близко к доске, и чтобы ничего не мешало. Две огромные доски, покрытые линолеумом коричневого цвета, висели на стене. Перед ними стоял длинный стол, а рядом с ним маленькая трибуна.

Аудитория быстро заполнялась и, наконец, осталось совсем мало свободных мест. Раздался звонок, и вместе с ним вошел немолодой преподаватель. Вбежало еще несколько студентов, а среди них Володя Меркин и Арик Якубов. Они быстро сели на свободные места.

Преподаватель подошел к столу, положил на него портфель, взял в руки мел и посмотрел на нас.

– Здравствуйте, – сказал он низким спокойным голосом, – сегодня мы займёмся...

Так началась моя студенческая жизнь. Мне было почти 18 лет. Мне страстно хотелось учиться, узнать больше о мире, в котором я живу, изучить все то, что знает современный человек, самому открыть что-то новое, неизведанное и очень-очень значимое и отдать это человечеству. Я чувствовал в себе силы сделать это, и теперь, когда все препятствия остались позади, как казалось мне, я могу полностью сосредоточиться на учебе и осуществить свою мечту.

Моя студенческая жизнь длилась долго – шесть с половиной лет. Она не была безоблачной, я жил отнюдь не в безвоздушном пространстве, да и в стране за это время произошло много событий, которые довольно сильно затрагивали меня. Так что, я вышел из стен института, избавившись от многих иллюзий, но, увы, далеко не от всех.

Моя 145-я группа

Нас было 25 человек в 145 группе. Цифра 1 означала 1-й курс, 4 – механико-машиностроительный факультет, а 5 – специальность «Технология машиностроения и Металлорежущие станки и инструменты».

В эту же группу со мной попали Володя Меркин и Арик Якубов. Арик почти сразу стал дружить с Людой Механиковой, весьма умной, всепонимающей, не по годам женщиной (уже не девочкой по внешнему виду, как остальные), несколько полноватой, но привлекательной.

Эллочка Реброва, высокая и плотная курносая голубоглазая симпатичная девушка из Новгорода. Она, было видно, питала ко мне нежные чувства, но я не отвечал ей взаимностью.

Рафик Хасапetyян, спокойный, мудрый парень откуда-то с юга. Он был всегда рассудительным арбитром, когда это было необходимо. Он никогда не боялся сказать правду любому из нас, как бы эта правда ни была горька.

Люда Соколова, невысокая симпатичная женщина быстро вышла замуж, родила, но продолжала учиться.

Мила Новикова была очень милостива и что-то в лице ее было такое притягивающее, что я посматривал на нее, мы даже как-то прогуливались вместе по моему приглашению, но не более того.

Лида Геллер сразу положила на меня глаз, я это видел, но я никаких поводов к сближению не давал.

Вместе с нами училась Виолетта, девушка из Болгарии, очень приятной внешности, тихая и улыбочивая (фамилии ее я сейчас не помню, может быть, Антонова?)

Был в группе Осану Джелу из Румынии, горячий парень, постоянно споривший с преподавателями.

Три парня из Китая держались особняком, ходили в синих френчах, напоминавших форму, и ни с кем не разговаривали. Им разрешалось разговаривать только в своем китайском землячестве.

Кое-кого упомяну потом. Некоторых сейчас не помню. Но группа была весьма дружна.

В первое время мы даже устраивали вечеринки перед праздниками. Перед первым Новым годом собрались на квартире у Лиды Геллер, она жила, кажется, на ул. Салтыкова-Щедрина или на ул. Петра Лаврова, недалеко от моей школы...

Утихомирились только ночью. Решили здесь же немного поспать. Лида попыталась прилечь рядом со мной, но я перешел в другое место.

Потом обычно собирались у Люды Механиковой, но приходили уже не все члены группы, а только половина. Может быть, иногда до двух третей.

Несколько человек жили в студенческом общежитии – Эллочка Реброва, Рафик Хасапetyян, Вася Шведов.

Большая часть общежитий института была на Флюговом переулке (в год моего поступления в ЛПИ она стала Кантемировской ул.). Оттуда до института было далеко, надо было ехать на трамвае. Но общежитие нашего факультета было близко – на Прибытковской ул. (в связи со строительством пр. Непокоренных эта улица исчезла с карты) – всего одна трамвайная остановка до института, правда, большая.

Пирожки с ливером и расписание

Каждый день было три пары занятий. Занятия начинались в 10 часов утра. Через 45 минут звенел звонок, и мы отдыхали 15 минут. В 11 часов продолжение первой пары – еще 45 минут. Вторая пара начиналась в 12 часов, третья – в 2 часа дня. Иногда была в расписании и четвертая пара, – она начиналась в 4 часа дня.

После второй или третьей пары мы обычно перекусывали. В буфетах были сосиски, сметана, пирожки с ливером или капустой, а иногда даже рыба под маринадом. Обычно покупали сосиски или полстакана сметаны с хлебом, но чаще всего пару пирожков со стаканом томатного сока.

Все было очень дешево, но для здоровья вряд ли полезно. Впрочем, тогда о здоровье мало кто думал.

Была и большая студенческая столовая, но она располагалась в отдельном здании, и до нее было далеко идти. В 15 минут не уложиться. Я там бывал редко.

Математика – это красиво

Первые две пары обычно были лекциями. Я с удовольствием занимался математикой, лекции по которой читал и. о. профессора Гавра. Мне, кстати, было тогда очень непонятно, почему надо было писать и. о. Мне это казалось глупым, а для него – обидным.

Профессору Гавре было лет пятьдесят, впрочем, тогда я не мог правильно определять, сколько лет людям такого возраста. Другое дело возраст моих сверстников, – я сразу видел, кто моложе, а кто старше меня. Гавра ходил медленно и степенно, с некоторым усилием. Видно было, что у него болят ноги.

Он обходился без записей и исписывал формулами две большие доски в аудитории, сопровождая это спокойным методичным пояснением. Писать за ним лекции было очень удобно. Иногда он доставал из портфеля исписанные листочки, молча смотрел на них, потом клал их обратно в портфель и продолжал лекцию, как ни в чем

ни бывало. Закончив, он победоносно смотрел на нас: «Видите, все получилось!»

Меня всегда привлекала в математике какая-то внутренняя красота, но, правда несколько смущало, что многое нужно было принимать на веру, а доказательств было мало. И упражнения по математике были нехитрыми, – тренировка, приобретение автоматизма.

Потом я узнал, что нам дают очень краткий курс математики, поскольку мы будем простыми инженерами, а им даже того, что дают, много. Вряд ли пригодится. Мне стало обидно.

Физику и химию не помню

Физика и химия тоже были несложными, и сейчас я даже не помню, кто читал нам лекции. Смутно помню и лабораторные работы по ним. Я разбирался во всех вопросах без проблем, но особого восторга у меня эти предметы не вызывали.

Я с удивлением обнаружил в буклете о Политехническом институте на фотографии Большой химической аудитории крупным планом нас с Володей Меркиным, сидящих в первом ряду. Совершенно не помню, когда это нас фотографировали.

Металловедение

Профессор Тимофей Алексеевич Лебедев читал нам курс Металловедения. Он был заведующим кафедрой металловедения (1947—1978) и деканом нашего факультета. Я помню его более пожилым человеком и с бородой, чем на снимке, который мне удалось найти в интернете.

Некоторые работы Тимофея Алексеевича постоянно ругали в научной прессе. Но, разумеется, не в области металловедения, а тогда, когда он вторгался в область теории относительности. Вот, например:

«Вряд ли следует удивляться тому, что редактором книги оказался профессор Ленинградского политехнического института Т. А. Лебедев. Его нежелание признавать основы современной физики и упорное стремление вернуться к физическим воззрениям конца XIX века известны уже давно. Однако тот факт, что проф. Т. А. Лебедев счел возможным благословить выход в свет совершенно безграмотной в научном отношении книги, вообще ставит под сомнение его компетентность в области физики». И подписи – Ельяшевич М. А., Томильчик Л. М., Федоров Ф. И.

Это было написано в их рецензии на книгу А. К. Манеева «К критике обоснования теории относительности» // УФН. 1961. Т.74. Вып. 4. С.759.

Предмет «Металловедение» был хорошо поставлен. Лекции были великолепными, а в лаборатории я с удовольствием разглядывал ферритные, перлитные и еще бог весть какие структуры сталей, а также все, что только можно было посмотреть. Я и сейчас мог бы опознать многие структуры, так они мне врезались в память. Правда, мне всегда хотелось рассматривать их при еще большем увеличении, но это тогда было невозможно. А потом не пришлось.

Именно с института я испытываю интерес к строению металлов и любых других материалов. И, вообще, ко всему неживому.

К сожалению, строение живых тканей, тем более, размеров клетки или еще более маленьких, мне никогда не удалось досконально рассмотреть, хотя всегда хотелось.

Впоследствии, когда мне пришлось вплотную заниматься вопросами боевой эффективности осколочно-фугасных и кумулятивных снарядов, знания в области металловедения мне оченьгодились.

Мастерские

На первом курсе все студенты нашего факультета в обязательном порядке работали в учебных мастерских института. Сначала это была слесарная практика. Надо было своими руками из заготовки – штамповки или отливки – сделать готовую деталь.

Я постепенно овладел не только терминологией, но и навыками работы: размечал с помощью разметочного инструмента, опиливал заусенцы на деталях, зачищал поверхности деталей, точил инструмент, – было довольно много заданий, и я их усердно выполнял, понимая, что постигаю азы создания деталей, из которых сотворен сегодняшний мир.

Самым трудным заданием, как я помню, было вывести боковую плоскость на пассатижах с помощью напильника. Эта плоскость упорно не хотела становиться плоской, все время получались какие-то скругления, завалы, и мне пришлось с этим заданием помучиться. Тем не менее, и эту работу я выполнил на отлично.

Впоследствии, на втором курсе мы уже работали на металлорежущих станках – токарном, различного рода фрезерных, сверлильных, заточных. Программируемых станков (станков с ЧПУ) тогда не было в помине, все делалось вручную, и качество во многом зависело от искусства и опыта рабочего.

Обучали нас и технике пайки и сварки, приходилось варить даже тяжелые потолочные швы.

Мы научились покрывать металлы никелем, хромом, кадмием и другими покрытиями. Мне все это было интересно, и я занимался с удовольствием. Если честно, я не считаю учебу на первых курсах мехмаша потерянным временем. Всё, чему я там научился, мне в дальнейшей жизни пригодилось. И еще как!

Кого только не избирали

В институте бурлила общественная жизнь. В каждой группе назначили старосту. Преподаватель, входя на групповое занятие, как правило, спрашивал: «Староста, кого сегодня нет?» Старосты, вроде бы подчинялись учкому (ученическому комитету). Что он делал, понятия не имею. Но говорили, что он ответственен за успеваемость студентов. Не понимаю, как можно за это отвечать и перед кем.

Всех студентов приняли в профсоюз и в каждой группе выбрали профорга, в обязанности которого входило собирать членские взносы и, как нам объяснили, заботиться о нуждах студентов. И об их здоровье.

Я тогда не понимал, что это за организация, но из газет знал, что профсоюзы в других странах борются за повышение зарплаты, за улучшение условий труда, за сокращение рабочего дня, руководят забастовками. Что делать профсоюзам у нас в стране, я тоже не понимал, ведь у нас же была власть рабочих и крестьян. С кем же тогда профсоюзам бороться? С самим собой?

Наконец, избрали комсорга, который тоже должен был собирать членские взносы и проводить комсомольские собрания на злободневные политические темы. Потом начались выборы всех курсовых бюро – учкома, который работал со старостами, профбюро, которое работало с профорганами и комсомольского бюро, которое работало с комсоргами.

Меня избрали членом комсомольского бюро 1 курса мехмаша. А секретарем избрали парня года на три постарше меня из другой группы – Борю Зубарева. Он быстро вошел в роль и каждого, с кем разговаривал, постоянно учил, что и как ему следует делать.

Откуда он это всё знал? Его поучения быстро всем надоели, и как только видели его лицо с волосами соломенного цвета, расчесанными на пробор, старались избежать его взгляда, чтобы он не подошел и не дал какого-нибудь поручения с назидательными напутствиями. Он, в общем-то, был неплохой парень, добрый и отзывчивый, временами, снимая очки, он глядел на тебя добрыми близорукими глазами, подкупая тебя искренностью, но его обстоятельность и убежденность в необходимости выполнить это «наиважнейшее» поручение именно так, как он объяснил, всем быстро приелись, и его многие стали считать просто занудой.

Комсомол я воспринимал, я же был в 9-м классе секретарем комсомольской организации школы и понимал, что и как надо делать на этой работе. Вот только не было у нас ничего героического.

Я завидовал комсомольцам 20-х годов, героям революции. Отважным и бесстрашным. А у нас были скучные будни и обыденные дела. Тем не менее, я старался все, что приходилось делать, – делать хорошо, и у меня получалось.

Культурная жизнь

В актовом зале института раз в месяц читались лекции по музыке замечательным музыковедом и блестящим лектором Леонидом Энтелисом. В первые два года учебы я бывал на его лекциях-концертах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.